

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в. (на примере творчества Г.П. Федотова)

Рассматривается антропологический подход Г.П. Федотова, который приобретает в его творчестве форму изучения религиозности русского человека. Исследуются процесс формирования его взглядов на проблему, теоретические установки и методологические принципы. Показывается, что воззрения Г.П. Федотова затрагивают актуальные для своего времени проблемы исследования.

Ключевые слова: духовная культура; русское религиозное сознание; русская религиозность; средний религиозный человек.

Г.П. Федотов (1886–1951) – историк, религиозный мыслитель, видный представитель русской эмиграции, внес большой вклад в осмысление судеб русской культуры, исследование сознания русского человека. Преимуществом его творчества уже современники называли умение глубоко проникать в проблему, выявлять дух времени через источник [1. С. 290], отмечали, что он подходил к проблеме русского национального сознания как историк и философ истории [2. С. 254]. Исследовательский интерес к человеку, прежде всего к религиозному сознанию средневекового человека, прослеживается уже в первых работах Г.П. Федотова. Несомненное влияние на его формирование оказал профессор И.М. Гревс, основатель петербургской школы медиевистики. В 1908 г. Федотов поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где на семинарах профессора погружается в атмосферу Средних веков, воспринимает идеи о преемственности исторического процесса, индивидуальности каждой эпохи и культуры, подходы к изучению человека в культуре.

И.М. Гревс считал себя по научному темпераменту более профессором, чем кабинетным ученым, потому «по страсти к преподаванию почти всегда подчинял целям и интересам последнего исследовательские задания» [3. С. 216]. Педагогический талант его можно увидеть в том, что он давал развиваться индивидуальности ученика, «с редкой объективностью возвращал самые противоположные научные дарования» [4. С. 346]. Представителями петербургской школы медиевистики были О.А. Добиащ-Рождественская, Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, Н.П. Анциферов, А.И. Хоментовская и др. [5]. Ранний период творчества этих исследователей характеризовался рассмотрением истории культуры европейского Средневековья, социальной и исторической психологии людей, живших в Средние века. Таким образом, можно говорить, что петербургская школа медиевистики предварила ряд тем не только современной медиевистики, но и исследования школы «Анналов». Значительную роль в этих изысканиях играли привитые профессором навыки работы с источниками и умение видеть в них живую картину прошлого. П.М. Бицилли в рецензии на работу Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский» замечал, и это замечание можно отнести в целом к историкам петербургской школы, что Федотов выступал против гипертрофированного сциентизма, «подведения исторической реальности

под отвлеченные категории формальных наук» [6. С. 138]. В этом активном использовании исторического источника, способствующем «ощущению связи между прошлым и настоящим» [7. С. 49], проявился отход от позитивистского подхода к источнику, девизом которого было накопление фактов, извлечение историком информации, лежащей на поверхности [8. С. 57, 58].

Глубокому проникновению в историю духовной жизни, раскрытию живого образа прошлого также способствовал индивидуальный стиль письма Г.П. Федотова, оформившийся в ранний период творчества. И.М. Гревс уже в выпускной работе будущего мыслителя отметил черту, замечаемую в дальнейшем в литературных штудиях Г.П. Федотова многими исследователями, которую обозначил как преодоление трудностей «скорее чутким органом мягкой и тонкой поэтической интуиции, чем острым ножом суровой и мелочно точной критики. Но живая нота реконструированного воображения не подавляет в нем вполне сознательного и определенно научного отношения к предмету и тщательной подготовки» [9. С. 315]. Об исследовательском методе, обозначенном как «интуиция» или «дивинация», говорил Л.П. Карсавин, имея в виду восстановление по одному проявлению «народного духа» всего строения этого «духа», а также угадывание иных его проявлений и возможностей [10. С. 66]. Работы Федотова не содержат строгого научного аппарата. Для его исследований характерны прекрасный художественный язык, лёгкость и в то же время глубина изложения. Момент сопереживания, соучастия излагаемой проблеме дает наилучшие результаты. Так, в фундаментальной работе американского периода «Русская религиозность» Г.П. Федотов замечал, что отправным моментом в историческом исследовании считает «предварительное обобщение, пусть хотя бы интуитивное или субъективное» [11. С. 14]. Данный метод познания мыслитель применил в своей работе. Заметим, что современники признали его плодотворность, в частности М. Карпович отмечал убедительность исторической интуиции автора [12. С. 301–303].

Влияние на Г.П. Федотова петербургской школы медиевистики прослеживалось и в исследовательском методе, используемом мыслителем на протяжении всей творческой деятельности. Его можно определить как «отражение в малом» – в вещных, поведенческих, этикетных формах повседневного существования, в

эстетическом идеале и этических нормах – «умственного кругозора эпохи» [13. С. 91]. В своих ранних работах он ставит те же задачи, которые намечает И.М. Гревс, – профессор поднимал проблему взаимодействия личности и культурно-социальной среды, акцентировал внимание на задаче выявления особенностей сознания человека в истории: «...и ныне остается и всегда будет величайшей проблемой истории воссоздание путей развития человеческого сознания в истории человеческого общества» [14. С. 52].

Г.П. Федотов обращается к личности в истории – к характеру, мировоззрению определённого человека, живущего в конкретных исторических условиях. Он указывает, как целая эпоха или небольшой отрезок времени отражаются на сознании личности, и в то же время как личность является выражением эпохи. В статье «Письма блаженного Августина» (1911), взяв за основу переписку христианского теолога и скрупулезно изучив ее, он выявляет «живое и яркое впечатление общего характера эволюции христианского сознания» [15. С. 79], раскрывает его взгляды, интересы, форму мышления. Делая акцент на индивидуализации сознания и рассмотрении его эволюции, мыслитель выявляет черты, свойственные данному историческому периоду, как то: столкновение «новых христианских элементов с традициями античной культуры и вместе с тем церкви с миром. Долгое время Августин живет в двойном свете – Христа и Платона, – пока этот дуализм не преодолевается в практической работе церковного строительства» [15. С. 79]. Также обращение к конкретной личности просматривается в первой крупной работе «Абеляр» (1924), цель которой – «нарисовать не столько *характер*, сколько *самосознание*» философа [16. С. 218], что есть явление культуры, а не природы. Личность Абеляра рассматривается мыслителем в культурно-историческом плане, в данном случае – на путях к Ренессансу. Г.П. Федотов замечает, что самосознание, поставленное им во главу исследования, тем не менее рассматривается в связи с природным характером, материей этической переработки норм, данных в культуре, что не может не привести к рассмотрению вопросов, имеющих «внекультурный интерес». Заметим, что данный исследовательский метод в целом был характерен в этот период для тех мыслителей, кто в определенной степени находился под влиянием И.М. Гревса. Вышедший в 1925 г. сборник «Средневековый быт», содержащий 11 статей разных авторов, рассматривающих различные стороны средневековой культуры, – тому подтверждение (в сборник входили статьи О.А. Добиаш-Рождественской, А.И. Хомен-товской, Н.П. Анциферова, М.Э. Шайтана и др.).

Определяющей чертой изучения исторического процесса у Г.П. Федотова явилось сосредоточение внимания на сфере духовной культуры – сначала европейской, затем русской. Исследовательские интенции Федотова отражали общие тенденции исторической науки конца XIX – начала XX в., т.е. акцентирование внимания на «культурной истории». Интерес Г.П. Федотова к русской культуре явился, во-первых, следствием глубокого погружения в источники западной культуры (студенты историко-филологического

факультета выезжали за границу для непосредственного знакомства с достижениями Запада) – «возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью восторга всматривались в колонны Казанского собора, средневековая Италия делала понятной Москву» [17], во-вторых, актуализацией проблемы русской культуры после революции 1917 г. В этот период перед отечественной историко-философской мыслью остро встает вопрос о русском национальном сознании, о выявлении сущностных мировоззренческих взглядов русского человека, о духовных истоках общественной жизни.

Федотовские исследования русского сознания условно можно разделить на две группы: историко-культурные, опирающиеся на исторический источник («Святые Древней Руси», «Духовные стихи», «Русская религиозность», «Сокровища русской духовности»), а также многочисленные эссе, дополняющие его исторические построения (статьи «Лицо России», «Письма о русской культуре», «Изучение России» и др.). Важными представляются обе группы работ. Их использование позволяет сформировать более целостную картину по рассматриваемой проблеме. Однако отметим фундаментальность, серьезную источниковую базу и ее проработку в историко-культурных исследованиях, что придает весомость работам Г.П. Федотова.

Проблема человека в культуре у Г.П. Федотова приобретает форму изучения религиозности русского человека. Он отмечает, что раскрыть специфику русского сознания можно «не только в политической истории России, но и в ее философии, искусстве, прежде всего в ее религиозности» [18. С. 126]. Понимание Федотовым русского национального сознания, прежде всего как сознания религиозного, определялось христианской основой его историософской концепции. Православие в целом явилось средоточием идейных и культурных исканий русской религиозно-философской мысли начала XX в. и рассматривалось в качестве определяющей характеристики русского мировоззрения. Большая часть мыслителей считала, что начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания [19. С. 22], что давало возможность объяснить не только настоящее, но и историческое будущее. В этом же русле движется и мысль Г.П. Федотова. Он изучает историю России как историю духовной культуры, полагая, что «политико-экономические кризисы являются лишь отражением более глубокого кризиса, протекающего во всех сферах культуры. Их источник в тяжелом недуге духа, который творит эту культуру» [20. С. 82].

Рассматривая стержнем русского народа, «основой его душевно-духовного мира» православие, ученый сосредотачивает внимание на его субъективной стороне – на сознании человека, отношении «к Богу, миру, братьям» [11. С. 8]. В центре – «духовная жизнь» в смысле мистико-аскетической жизни и религиозной этики – религиозный опыт и религиозное поведение» [Там же], которые в силу своей динамичности, по сравнению с объективными элементами религии, могут выступать источником исследования религиозного сознания. Г.П. Федотов делает подробный анализ русской религиозности, основанием кото-

рого выступает тот факт, что в России «глубины религиозности оставались нетронутыми и об их существовании даже не подозревали» [11. С. 11]. Данный вопрос являлся объектом рассмотрения светских историков литературы и церковных историков, однако для одних было характерно недостаточное понимание религиозности, для других – отсутствие исторического взгляда. Г.П. Федотов был первым мыслителем в России, который исследовал глубины русской религиозной жизни. Он явился, как верно заметил М. Раев, пионером изучения антропологии религии в историческом контексте [21. С. 231]. Отметим, что истоки религиозной антропологии в России связывают с личностью Л.П. Карсавина [22]. В работе, написанной в 1915 г., он отмечал, что в религиозном человеке важно «не то, во что он верит, а то, что он верит, или то, как он верит» [23. С. 20]. Соответственно, религиозность мыслитель определял как «то душевное состояние или тот душевный строй, в связи с которым находятся субъективно важные для человека положения его веры, делающиеся таким путем положениями его религиозности» [Там же. С. 22]. Однако исследовательский интерес Карсавина был сосредоточен на средневековой Европе («Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII вв.», «Основы средневековой религиозности в XII–XIII, преимущественно в Италии»), в то время как Г.П. Федотов исследовал религиозность русского человека.

Г.П. Федотов обратился к тем духовным ценностям, которые в значительной степени определяли поведение человека, что, в свою очередь, позволило ему выявить наиболее существенные черты человека древнерусской эпохи. Мыслитель верно отмечает, что первенство в изучении духовной жизни необходимо отдать Западу, в частности католическим и протестантским ученым. Своими изысканиями он пытался закрыть пробел в данной исследовательской проблеме. Это постановка с христианских позиций социокультурных и философско-исторических проблем; обращение скорее не к религиозной метафизике, но к идее отношения человека к истинным ценностям, к христианской вере.

Г.П. Федотов обращает внимание на то, что специфику религиозности на Руси характеризует этический дуализм, представленный монашеской и мирянской этиками. Соответственно русскую религиозность он рассматривает в двух плоскостях – сознание духовной элиты и духовенства, отражающее высший религиозный идеал, а также сознание народа, средних христиан, осложненное элементами, далекими от церковности. Данная схема соответствует концепции Г.П. Федотова об иерархии боговдохновенности человеческого творчества. Он отмечает, что отрешение от боли о мире является только подвигом монаха, и то лишь отшельника, затворника и молчалика. Для мирян же эта установка является «гордыней и нерадивостью, знаком охлаждения любви» [18. С. 123]. В изучении феномена русской святости Г.П. Федотов исходил из представления, что типология любой культуры определяется характером и степенью ее религиозности. Основной его задачей являлось осмысление особенностей русской национальной истории и культуры. Федотовское изучение религиозности представляет ценность в плане выявления не только

его взглядов и идейно-теоретических установок, но и содержания методологических принципов, формирующих осто́в исследования.

Стоит отметить, что Г.П. Федотов использует – и даже более, предвосхищает – принцип исследования истории о множественности скоростей социального времени, разработанный Ф. Броделем, который проявляется в объяснении Федотовым большей религиозности русского народа по сравнению с остальными народами Европы. Данный факт поясняется различием религиозно-исторического времени России и Европы – Средневековье в России в народных низах длилось до середины XIX в., и это время было аналогично Европе XIV–XV вв. [24. С. 94]. Этот подход – представление о «la longue duree» применительно к истории России – позволил мыслителю избежать превознесения русского народа над остальными народами, признания его особой религиозности в духе славянофилов, а также ряда своих современников, в частности позднего Н.А. Бердяева, который в одной из последних своих работ «Русская идея» выразил мысль об особом религиозно-историческом призвании России, преимуществе России перед другими народами, что проявилось в силе и качестве религиозного мироощущения [25. С. 266–269].

Г.П. Федотов в целом уделял достаточное внимание хронологии, акцентировал внимание на смене культурных форм во времени. Так, применительно к изучению высшего уровня в пределах православной церковной праведности он применял не только отмечаемую выше характеристику длительного времени: глубинные процессы, сказывающиеся спустя столетия, обозначаются Федотовым как глубочайший надрыв истории XVIII в., изменивший во многом направленность ее святости [26. С. 13]. К исследованиям Г.П. Федотова можно применить также характеристику «среднего времени». Имеется в виду акцентирование на смене исторических форм во времени и конкретное рассмотрение на примере русских святых, народной религиозности Древней Руси. Например, исследуя идеал святости на Руси, он делит период с X по XVII в. (характеризующийся присутствием в стране духа святости) на несколько этапов: домонгольская (Киевская или Древняя) Русь, эпоха татарского завоевания (русское Средневековье), московский период. В каждом из них он выделяет определённый тип святости (святые князья – страстотерпцы, пустынножители, юродивые и др.), характерные черты которого определялись, соответственно, культурно-историческими условиями.

Не избегал Г.П. Федотов и «событийного времени», к которому Ф. Бродель относился достаточно скептически [27. С. 117]. Он рассматривал событие не само по себе, но вплетал его в исторический контекст с целью выявления глубоких причинно-следственных рядов. Так, в работе «Святые Древней Руси» мыслитель приводит конкретные примеры жизни святых, позволяющие ему выделить индивидуальные и традиционные черты русского святого. Г.П. Федотов внес большой вклад в изучение русской религиозности. Он поднял вопрос исследования не только сознания верхушки общества, но и сознания народа. Лишь в 1960-е гг. появ-

ляются три направления гуманитарного исследования, объединенные стремлением выбраться из узких рамок идеологий и выявить неподвластные им установки сознания [28. С. 77]. В России изучением духовных процессов занимался М.М. Бахтин, заново открывший глубинные культурные пласты, отчасти – исследователи тартуской семиотической школы; на Западе –истики ментальностей (Ж. Дюби, Э. Леруа Ладюри и др.).

Религиозное сознание народа Федотов исследует, опираясь на «духовные стихи» – древние народные песнопения религиозного содержания, восходящие по сюжету к книжным источникам. Тем самым он положил начало новому направлению – «исследованию религиозной и ценностной модели мира, выраженной в духовных стихах» [29. С. 140]. Здесь мы также сталкиваемся с выработанным им еще в годы обучения у профессора И.М. Гревса подходом к истории, заключающимся в обращении внимания на «затекстовый план», применении фактов для проникновения в живые силы истории.

Обращаясь к исследованию народного сознания, Г.П. Федотов акцентирует внимание на том, какие слои общества он имеет в виду под «народом», сознание какого общественного слоя он подвергает анализу. Специфика авторства духовных стихов позволила ему исследовать религиозность высших слоев народа, тесно соприкасаемых с церковным миром. Источники, используемые в работе «Русская религиозность» (краткие поучения, составляющие содержание «Изборников»; проповеди или послания, адресованные мирянам; летописи; некоторые творения светских авторов), также дают возможность изучения сознания представителя высшего класса, что, в свою очередь, не случайно, поскольку христианство в Киевской Руси первоначально распространялось сверху, в слоях бояр и князей. Тем не менее Федотов употребляет понятие «средний христианин» и уточняет, что он не обязательно принадлежит к зажиточным слоям. Речь идет скорее о духовных чертах человека, а не о его общественном положении [11. С. 184]. Понятие «среднего христианина» Г.П. Федотова можно сравнить с понятием «средний религиозный человек» Л.П. Карсавина, подчеркивающего, что средний человек отнюдь не является обывателем, представителем группы, занимающей промежуточное, срединное положение в социальной структуре. Он заключен в каждом реальном представителе своей группы. Л.П. Карсавин связывал указанное выше понятие с «религиозным фондом», представленным как «совокупность известных черт в некоторой определенной пропорции и связи друг с другом, то есть как система известных черт» [23. С. 31]. Определенное время и среда формируют определенную психическую организацию людей, характерные черты сознания каждого представителя, дающие возможность воспроизведения единства этих элементов. Таким образом, Л.П. Карсавин, как и Г.П. Федотов, во главу угла понятия ставил не социальное положение (здесь он обращался к исследованию так называемой культурной середины, т.е. интеллигенции, клириков, соприкасавшихся с ученостью, а также к изучению образованных мирян), а определенные духовные черты, внутренний мир носителя, который при всей «усредненности» все же несет неповторимость личностных черт.

Заметим, что в начале XX в. установка на изучение сознания типичного человека эпохи отмечалась не только в работе Л.П. Карсавина (Г.П. Федотов обращается к данной проблематике только в 1930-е гг.). В 1916 г. появляется исследование П.М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XII века», во введении к которому рассматривается и принимается термин Карсавина. Салимбене представлен у него как «средний человек» своего времени, под которым понимаются «ординарность, дюжинность, умеренность добродетелей и пороков» [30. С. 236]. Мироощущение, религиозное сознание монаха переносятся Бицилли на значительную часть общества, поскольку, еще раз подчеркнем, Салимбене воспринимался как «типичный для всего времени, по крайней мере для известного круга тогдашнего итальянского общества» [Там же].

Возвращаясь к сравнению теоретических построений Карсавина и Федотова, отметим, что оба мыслителя предполагают неоднородность общества, существование в нем различных групп и отмечают возможность выделения «среднего человека» в каждой группе. Они отмечают, что отдельная личность отражает некоторые черты общего бытия [11. С. 13], «заключает в себе ясно выраженными те или иные черты среднего человека» [23. С. 29], однако стремятся к историческому обобщению, уменьшению числа типичных групп, которое, по мнению одного, является интеллектуальным стремлением к единству [11. С. 13], по мнению второго, придает выводам ценность [23. С. 32]. Однако Федотов, в отличие от Карсавина, в процессе редукции останавливается на двойственности: «...только в двойственности может быть уловлена суть реальности со всеми ее противоречиями» [11. С. 13]. Отмечая явную национальную специфику полярности русского менталитета, он, тем не менее, говорит об общераспространенности данной характеристики. Дуалистичная формула нации, представление о «единстве далеко расходящихся, часто противоречивых индивидуальностей» [31. С. 172] есть сознательная установка в его культурно-исторической концепции.

Исследуя сознание русского человека, Федотов отказывается от монизма, единой характеристики духовно-национального типа, в пользу ее дуализма, полярности двух несводимых типов, между которыми разворачивается постоянная борьба – сотрудничество. Он выделяет два типа «русскости» – московский человек (человек Московского государства) и интеллигентский слой (тот «орден», который начал складываться в 30-е гг. XIX в.). Если для первого типа характерны спокойствие, молчаливость, простота, налет фатализма, юмор, то для второго – энтузиазм, жертвенный порыв, преданность народу, максимализм в служении идее. Он полагал, что их борьба определила драматизм XIX в. [31. С. 177].

Г.П. Федотов явился отнюдь не первым и не единственным мыслителем, обратившимся в проблеме двойственности русской души. Так, И.А. Ильин конкретизировал полярность национального характера следующим образом: «...он колеблется между слабостью и высшим героизмом» [32. С. 5]. С.Л. Франк отмечал невозможность промежуточной

религиозной тенденции для русского человека, который «либо имеет в своей душе истинный “страх Божий”, подлинную религиозную просветленность... либо же есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому все дозволено» [33. С. 132]. Н.А. Бердяев замечал «загадочную антиномичность» России во всем, корень чего видел в «несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере» [34. С. 16].

Г.П. Федотов, с одной стороны, выделяет двоецентрие национальной души, с другой – указывает на сложный состав каждого из центров. Он замечает, что используемый им рабочий прием позволяет объяснить «природу исторического движения, драму расколов, кризисов и самую возможность развития» [31. С. 173].

Основной дуализм русской души представлен Федотовым двумя историческими типами. Однако мыслитель рассматривает предмет не только в статике, но и в динамике – исторический подход приводит к необходимости выйти за пределы установленного им же дуализма. Он выявляет последовательные выражения русского духовного типа, такие как: русский человек Киево-Новгородской Руси (древнерусский тип), москвич, человек империи, советский человек. Большое внимание в каждом историческом типе уделяется православному слою как определяющему русское сознание. Однако замечается невозможность выявления его неизменных характеристик, поскольку каждый культурный слой «имел свой ключ к христиан-

ству или, по крайней мере, свои оттенки» [Там же. С. 255].

Тем не менее Федотов был убежден в единстве исторической судьбы народа: «В периоды глубоких исторических потрясений распаду подвергаются верхние слои коллективной души – из катастрофы встанут более древние пласты» [Там же. С. 164]. Сравнивая культурно-исторические пласты русской души с луковицей, с которой можно снимать слой за слоем, он в каждом историческом типе старается найти черты, роднящие его с человеком Древней Руси, т.е. несмотря на создание национальным духом новых форм бытия, все черты прошлого из жизни народа остаются на определенном уровне в национальном сознании и «могут как освещать прошлое, так и определять настоящее, а также будущее русской религиозности» [Там же. С. 14].

В современных российских исследованиях антропология религии развивается в ключе, заданном в начале XX в. Это направление связано с изучением истории русской религиозности, «народного православия» и использует в качестве материала наблюдения российских и зарубежных этнографов, социологов, культурологов, фольклористов [22]. Согласимся с высказыванием А.П. Гуревича, ссылающегося на одного современного мыслителя: «Двадцать первое столетие будет веком наук о человеке, либо его не будет вообще» [35]. В этом плане актуальным становится исследование антропологического подхода Г.П. Федотова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добиаш-Рождественская О. Образы человечества // *Анналы*. 1924. № 4.
2. Вышеславцев Б.П. Г.П. Федотов // *Грани*. 1978. № 110.
3. Каганович Б.С. И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры // *Городская культура. Средневековье и начало Нового времени*. Л., 1986.
4. Федотов Г.П. С.И. Штейн // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2004. Т. 9.
5. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.
6. Бицилли П.М. Рецензия: Г.П. Федотов «Св. Филипп, митрополит Московский» // *Русская литература*. 1990. № 2.
7. Бицилли П.М. Проблемы современной истории // Бицилли П.М. Избранное. София. 1993. Т. 1.
8. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // *Вопросы философии*. 1988. № 1.
9. Гревс И.М. «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи (Рецензия) // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 1996. Т. 1.
10. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // *Историк-медиевист – Лев Платонович Карсавин (1882–1952)*. М., 1991.
11. Федотов Г.П. Русская религиозность. Часть I // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2001. Т. 10.
12. Карпович М. George P. Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. Harvard Univ. Press. 1946 // *Новый журнал*. 1947. № 16.
13. Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1991.
14. Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи). СПб., 1899.
15. Федотов Г.П. Письма Блаженного Августина // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1.
16. Федотов Г.П. Абельяр // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1.
17. Федотов Г.П. Лицо России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
18. Федотов Г.П. Изучение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. Т. 1.
19. Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. 2-е изд. YMSA-PRESS, 1991.
20. Федотов Г.П. Как бороться с фашизмом? // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 9.
21. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
22. Кром М.М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности. URL: <http://achronicle.narod.ru/krom.html>
23. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Петроград, 1915.
24. Федотов Г.П. Русский человек // Федотов Г.П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981.
25. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. М., 1990.
26. Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991.
27. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*. М., 1977.
28. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // *Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы*. М., 1989. Вып. 1.
29. Никитина С.Е. «Стихи Духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991.
30. Бицилли П.М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XII века // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006.

31. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. Т. 2.
32. Ильин И.А. О России. М., 1991.
33. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
34. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
35. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2014 г.

THE HUMAN DIMENSION IN THE RUSSIAN HISTORICAL THOUGHT IN THE EARLY 20TH CENTURY (BY G.P. FEDOTOV'S WORKS)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 105-111. DOI: 10.17223/15617793/386/17

Gumerova Zhanna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Keywords: spiritual culture; Russian religious mind; Russian piety.

The article is devoted to Fedotov's anthropological approach, to the learning of the Russian religious mind. The article shows the process of forming his views on the issue, the theoretical and methodological principles. His views are presented as affecting the topical study problems of the early 20th century. G.P. Fedotov was a Russian historian, a religious thinker, who made a contribution to the understanding of the Russian culture destiny, to the learning of the Russian mind. The research interest to the human can be traced in his early works. It was the result of Professor I.M. Graves's influence. G.P. Fedotov studied the individual in history. He pointed out how the whole epoch or a short period of time was reflected in the consciousness of the person, and at the same time how the person could reflect the era. The defining feature of the historical process study was focused in the field of spiritual culture. Fedotov's research intentions reflected the general trends of the historical science of the late 19th – early 20th centuries. The problem of the human in culture in G.P. Fedotov's works took the form of the Russian religious mind study. This study direction was determined by the Christian foundation of his historiosofic concept. G.P. Fedotov studied spiritual values which determined the person's behavior. He saw that the specificity of the religious mind in Russia was characterized by ethical dualism (monastic and laity ethics). So he considered the Russian religious mind in two planes – the consciousness of the spiritual elite and clergy and the consciousness of the other people. Fedotov's study of the religious mind shows not only his views, ideological and theoretical orientations, but also the content of his methodological principles. He used the history observation principle of the plurality of social time speeds developed by F. Braudel. Fedotov used the term "average Christian", which could be compared with L.P. Karsavin's "average religious person". Both thinkers suggested the existence of different groups in society and noted the possibility of allocating the "average person" in each group. However, Fedotov, unlike Karsavin, stopped on duality in the reduction process. The dualistic nation formula is a conscious setting in its cultural and historical concept. Fedotov analyzed the subject in statics and in dynamics. He identified the historical formations of the Russian soul. Research of the country's past in the historical perspective helped to "grasp" individual characteristics of the Russian mind and the holistic spiritual image. The anthropology of religion is developing in modern Russian studies in the key set in the early 20th century. In this context the study of G.P. Fedotov's anthropological approach becomes relevant.

REFERENCES

1. Dobiash-Rozhdestvenskaya O. Obrazy chelovechestva [Images of the humanity]. *Annaly*, 1924, no. 4.
2. Vysheslavtsev B.P. G.P. Fedotov. *Grani*, 1978, no. 110. (In Russian).
3. Kaganovich B.S. I.M. Grevs – istorik srednevekovoy gorodskoy kul'tury [Graves, a historian of medieval urban culture]. In: Rutenburg V.I. *Gorodskaya kul'tura. Srednevekov'e i nachalo novogo vremeni* [Urban Culture. The Middle Ages and the beginning of the New Time]. Leningrad: Nauka Publ., 1986.
4. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2004. Vol. 9.
5. Sveshnikov A.V. *Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva* [St. Petersburg School of medievalists of the early 20th century. Attempt of anthropological analysis of the scientific community]. Omsk, 2010.
6. Bitsilli P.M. Retsenziya: G.P. Fedotov "Sv. Filipp, mitropolit Moskovskiy" [Review: G.P. Fedotov "St. Philip, Metropolitan of Moscow"]. *Russkaya literatura*, 1990, no. 2.
7. Bitsilli P.M. *Izbrannoe* [Selected Works]. Sofiya, 1993. Vol. 1.
8. Gurevich A.Ya. *Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya* [The science of history and historical anthropology]. *Voprosy filosofii*, 1988, no. 1.
9. Graves I.M. "Ispoved'" bl. Avgustina kak istochnik dlya ego biografii i dlya istorii kul'tury epokhi" (Retsenziya) ["Confession" of Augustine as a source for his biography and cultural history of the era (Review)]. In: Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
10. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and the Russian idea]. In: Yastrebitskaya A.L. *Istorik-medievist – Lev Platonovich Karsavin (1882-1952)* [Historian-medievalist – Lev Platonovich Karsavin (1882-1952)]. Moscow: INION Publ., 1991.
11. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2001. Vol. 10.
12. Karpovich M. George P.Fedotov. The Russian Religious Mind. *Kievan Christianity*. Harvard Univ. Press. 1946. *Novyy zhurnal*, 1947, no. 16.
13. Yastrebitskaya A.L. *Povsednevnost' i material'naya kul'tura srednevekov'ya v otechestvennoy medievistike* [Everyday life and material culture of the Middle Ages in the domestic medieval studies]. In: Gurevich A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in history]. Moscow: Nauka Publ., 1991.
14. Graves I.M. *Ocherki iz istorii rimskogo zemlevladieniya (preimushchestvenno vo vremena Imperii)* [Sketches from the history of the Roman estates (mainly in the Empire Time)]. St. Petersburg, 1899.
15. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
16. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
17. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1991. Vol.1.
18. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1991. Vol.1.
19. Zernov N.M. *Russkoe religioznoe vozrozhdenie XX veka* [Russian religious renaissance of the 20th century]. 2nd edition Paris: YMSA-PRESS, 1991.
20. Fedotov G.P. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2004. Vol. 9.
21. Raev M. *Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919-1939* [Russia abroad: a cultural history of Russian emigration. 1919-1939]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994.

22. Krom M.M. *Istoriya Rossii v antropologicheskoy perspektive: istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya, mikroistoriya, istoriya povsednevnosti* [Russia's history in anthropological perspective: the history of mentalities, historical anthropology, microhistory, the history of everyday life]. Available at: <http://achronicle.narod.ru/krom.html>.
23. Karsavin L.P. *Osnovy srednevekovoy religioznosti v XII-XIII vekakh* [Fundamentals of medieval religiosity in the 12th-13th centuries]. Petrograd, 1915.
24. Fedotov G.P. *Rossiya i svoboda* [Russia and Freedom]. New York: Chalidze Publications, 1981.
25. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of the Russian thought of the 19th and early 20th centuries]. In: Maslin M.A. *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofyy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of Russian post-October emigre]. Moscow: Nauka Publ., 1990.
26. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye* [Spiritual poems]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.
27. Braudel F. *Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dliatel'nost'* [History and social sciences. Historical duration]. In: Kon I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Moscow: Progress Publ., 1977.
28. Gurevich A.Ya. *Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii* [The problem of mentalities in modern historiography]. In: Chubar'yan A., Sogrin V. (eds.) *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [General history: discussions, new approaches]. Moscow: Nauka Publ., 1989. Issue 1.
29. Nikitina S. E. *"Stikhi Dukhovnye" G. Fedotova i russkie dukhovnye stikhi* ["Spiritual poems" by G. Fedotov and Russian spiritual poems]. In: Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye* [Spiritual poems]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.
30. Bitsilli P.M. *Izbrannyye trudy po srednevekovoy istorii: Rossiya i Zapad* [Selected works on medieval history: Russia and the West]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006.
31. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1992. Vol.2.
32. Il'in I.A. *O Rossii* [About Russia]. Moscow, 1991.
33. Frank S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996.
34. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1990.
35. Gurevich A.Ya. *Istoriya v chelovecheskom izmerenii (Razmyshleniya medievista)* [History in the human dimension (reflections of a medievalist)]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html>.

Received: 15 March 2014